

Илья СМИРНОВ

ТЕ ЖЕ – И ГЕРОЙ

Концерт под фонограмму, колбаса без мяса, факультет несуществующей науки, театр без героя.

Вроде бы, очевидно, что ничего такого быть не должно, и недобитые профессионалы пытаются взывать к здравому смыслу коллег: «*Не трехкопеечные режиссерские фокусы важны в театре (тут снег пошел, там веревочки трясут, здесь палочки таскают, в общем, как говаривал Товстоногов, "видна рэжиссура"), а герой*». (Москвина Т. Извините, на сцену вышел герой // Аргументы Недели, 2013, 28 марта, № 12. <http://argumenti.ru/culture/n382/242526>).

«В искусстве герои должны быть. Должны быть в любом времени – люди, которые принимают на себя ответственность. Люди, делающие выбор, который не принесет им никаких дивидендов, никакой прибыли, одну только решительную убыль! Люди, у которых есть представление о чести. О долге». (Тимашева М. Ищу героя. // РАМТограф, 2010, янв. Выпуск № 4. <http://www.ramtograf.ru/january2010/tema.html>).

Но творческие цеха ориентированы на другую продукцию. На сцене, на экране, на страницах «серьезной» литературы – сплошной поток серой мути, в которой бессмысленно копошатся носители разнообразных комплексов, перверсий и патологий. А сверху, вместо солнца – универсальная авторская позиция: «*кривенькая ухмылка*», она же «*стёб*». Под этот стандарт подводится теоретическая база. Дескать, и не должно быть в искусстве ничего красивого. Красивое и возвышенное – тоталитарный отстой, а постсовременному европейцу интереснее маргиналы. В идеале – в суперпродвинутом «*Disabled Theater*» – вам выведут на сцену пациентов из отделения для психохроников, чтобы «*необычные артисты*» вели себя максимально естественным для себя образом, а зрители любовались. (См. Давыдова М. Про даунов. <http://www.colta.ru/docs/1331>).

Увы, желающих любоваться немного, так что главным источником финансирования

Эскин Ю.М.
Дмитрий Михайлович
Пожарский.
М.: Квадрига; ЗебраЕ,
2013

становится бюджет, т.е. налоги, изымаемые чиновниками у благодарного населения, причем не маргинального, а нормального.

Российский извод этой идеологии имеет еще специфический оттенок – привет от лакея Яши: может, в «*цивилизованных странах*» и есть шанс успокоить сердце чем-то таким, над чем ухмыляться и стебаться не положено (ювенальной юстицией, однополым браком, да тем же «*Disabled Theater*»). Но только не в «*тоталитарной Рашке*», которая вся, от начала и до конца, «*страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно*».

А сейчас, стряхнув идеологический мусор, я хотел бы представить настоящего героя русской истории. В этом году вышла в свет долгожданная научная биография Дмитрия Михайловича Пожарского. Можно на основе ее писать пьесы и сценарии. Можно о герое книги рассказывать школьникам под девизом «*Делать жизнь с кого*», не скашивая в сторону глаза и не мучаясь мучительно над проблемой, как отвлечь внимание от неприглядных эпизодов биографии.

Итак.

Смутное время воспитало определенный человеческий тип. Одна и та же толпа, проклиная Годуновых, возводила на престол чудесно воскресшего «царя Дмитрия», а потом

глумила уже над его трупом. С позором прогоняли Василия Шуйского, но не за реальные преступления, а за то, что старый интриган оказался «несчастен на царстве». Присягали королевичу Владиславу и радушно принимали в столице польско-литовское войско Жолкевского – т.е., тех самых «еретиков», которых с воодушевлением резали в мае 1606 г. Престолюдины в этом смысле мало отличались от аристократов, «намеренно державших одних членов семьи в Тушине, а других в Москве (иногда и третьих – в лагере Сигизмунда) и везде выпрашивавших чины и владения» (с. 43). Для таких мастеров появился даже специальный термин: «перелеты».

1611 год. Низшая точка общественного падения: от междоусобия – к прямой иностранной оккупации, в столице гарнизон «наииснейшего великого государя Жигимонта, короля польского» (с. 49), по стране «хаос и ужас» от «воровских казачьих и наемничьих отрядов» (с. 46). Как справедливо отмечает современный нижегородский историк Б.М. Пудалов, тогдашняя «вертикаль власти»... оказалась неспособна противостоять распаду». Большую политику – «дела королей» – против всех феодальных правил взяла в свои руки «земская изба – орган хозяйственного самоуправления тяглого населения». (Пудалов Б.М. *Смутное время и Нижегородское Поволжье в 1606–1612 годах. Н.Новгород, 2011. С. 69*).

Вопрос. Почему именно князя Пожарского нижегородцы в критический момент Смуты просили возглавить ополчение?

Дело в том, что Дмитрий Михайлович, кроме храбрости и государственного ума, обладал и другими качествами, крайне редкими и оттого особенно ценными в Смуту – он оказался «человеком чести во время бесчестное, гуманным во время жестокое» (с. 219). Наперекор всем обстоятельствам, правилам игры и даже «мнению народному», хранил верность данному слову, будь то присяга царю или договор с неприятелем.

Отдельный боевик можно снимать о его правлении в качестве воеводы в «стратегически важном городе» Зарайске, где народ немедленно поднял против Пожарского бунт, «приидоша на него всем градом, чтоб поцеловати

крест вору» (с. 41), а князь заперся в Кремле и навел пушки на деревянный посад. «Оказалось, не они ставят воеводе ультиматум, а он им». Но «вскоре жители поняли, что князь не жаждет их крови», и согласились на том, что «будет на Московском государстве по-старому царь Василий, ему и служить». Попытка запорожцев захватить и разграбить город тоже не увенчалась успехом: тот же Пожарский, «выйде из города с невеликими людьми, и черкас из острога выбиша вон, и их побиша» (с. 48). Так «Божией милостью и помощью великого чудотворца Николы Заразской город устоял», а горожане получили наглядный урок: с честным воеводой жить лучше, чем с продажными «перелетами», потому что честный не предаст ни царя, ни своих подопечных людей. Так же и казаки сначала отнюдь не симпатизировали Пожарскому, распознав в нем угрозу для вольностей (включая свободу грабить и право продавать свои воинские услуги тому, кто больше заплатит). Пройдет время, и они же объявят на кругу, что «ждут к себе боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарского, а как де он к ним будет, и они на государевой службе с ним же быть хотят» (с. 139)

Интересно, что юные годы героя не отмечены особыми подвигами. Недоброжелатели могли бы даже назвать его «маменькиным сынком», поскольку есть основания полагать, что придворными чинами он был обязан влиянию матери: «энергичная вдова, княгиня Пожарская, видимо, понравилась царю Борису, который назначил ее верховной боярыней при царице Ксении» (с. 24). Впрочем, одно достоинство проявилось в князе Дмитрие с самого детства – любовь к книжному знанию. Первый известный автограф оставил в 10-летнем возрасте, и это не школьные упражнения, а серьезный официальный документ. «Яз, князь Дмитрей Пожарской, вотчинную свою деревну Три Дворища по приказу отца своего князя Михайла Федоровича Пожарскова в Суздоле в Спаской Еуфимев монастыр дал и потписал своею рукою». Когда подрос, расписывался при получении оклада за восьмерых сослуживцев, неграмотных аристократов. А после победы в войне, когда он стал влиятельным

вельможей, «при князем дворе находили приют первые русские актеры – скоморохи». Вряд ли мы сможем воспроизвести их представления, что поделаешь – сценическое искусство эфемерно, но в архиве сохранилась челобитная. Один из скоморохов князя Пожарского, по имени Федька Степанов сын Чечотка обвиняет «приказного» Крюкова в том, что тот незаконно изъял у него 20 рублей (с. 199). Огромная по тем временам сумма: породистый конь обошелся самому князю в 12 рублей. Так что театральные деятели под княжеским покровительством жили совсем неплохо. Из книги Ю.М. Эскина мы узнаем и другие интересные подробности: Пожарский причастен к зарождению художественных промыслов в селе Холуй (с. 203), он владел хорошей библиотекой и, видимо, сам сочинял стихи – о чем можно судить по ответному стихотворному посланию князя Шаховского (с. 206).

Почему же один из стольников царя Бориса Годунова оказался так не похож на других? Видимо, Смута раскрывает людей по-разному. В ком-то проявляется худшее. А в ком-то, наоборот (и вопреки) – лучшие человеческие качества.

Осенью 1612 г. именно Пожарский спас от расправы бояр, сидевших в Кремле вместе с неприятельским гарнизоном. Дескать, не по доброй воле пошли на службу к оккупантам, а сами находились под стражей. Лукавство, но в нем проявилась принципиальная позиция: насколько возможно, избегать сведения счетов. Никаких «люстраций» и «проскрипций». Именно в этом состоял залог жизненно необходимой стабильности. Пленных спасал тоже Пожарский. Кто из королевского гарнизона оказался под охраной его людей – те остались живы. Кого «взяша в полк ко князю Дмитрею Тимофеевичу Трубецкому», казаки тут же начали резать, невзирая на все клятвы. Пример не только подлости, но клинической глупости, учитывая, какое количество русских пленных находилось тогда в Речи Посполитой. Вот из таких эпизодов складывалось к финалу Смуты «коллективное сознательное»: уважение и доверие к строгому консерватору Пожарскому (как писал в донесении Исаак Масса, «ему

предан весь народ») (с. 158) – и прямо противоположное, опасно-брезгливое отношение к тем, кто, вроде бы, должен быть социально ближе простому труящему человеку. А оказался врагом даже для самого себя.

Люди, смертельно уставшие от разрухи, безвластия и бандитизма, стремились к восстановлению порядка любой ценой. Лозунгом дня, таким же неоспоримым, как в 1917 году «Мир народам, земля крестьянам!» становится: «Чтоб было как при прежних государях!».

Теперь несколько слов о том, кем, где и как создавалась научная биография князя Пожарского. Юрий Моисеевич Эскин уже много лет работает в Архиве древних актов. Учреждение тоже по-своему уникальное. В последнюю российскую смуту его сотрудники продолжали заниматься конкретными исследованиями, а не «дискурсами» и, в нарушение всех, якобы объективных, законов экономики, сохранили вверенные им сокровища – при убийственном соотношении своих зарплат с рыночными ценами на старину и при фактической безнаказанности казнокрадства. При отключенном, электричестве и охране, которую пресловутая «невидимая рука рынка» снимала за какие-то мистические «долги» одних государственных организаций перед другими, тоже государственным.

Само исследование о князе Пожарском академически достоверное. Оно не расцвечено экстрасенсорно-психологическими домыслами и поверхностными ассоциациями на злобу дня. Что, между прочим, открывает широкий простор для драматурга или романиста, который взялся бы создавать на основе научной биографии художественную.

«Неизвестны временные рамки обоих его браков и даты рождения его детей; неясно, из какой семьи была первая жена Дмитрия Михайловича; не разгадано его участие в двух интригах годуновского времени; неясны его роль и политическая позиция на ранних этапах Смуты...» (с. 7). И даже тогда, когда герой книги стал очень влиятелен и знаменит, в его биографии зияют загадочные прорехи: неизвестно, куда и почему он исчез «почти на полтора года после декабра 1613-го» (с. 8).

По всем этим вопросам современные Дюма или Шекспир, если бы таковые отыскались, могли бы изложить собственные версии, не вступая в противоречия с теми объективными знаниями, которыми располагает наука.

А в научной книге строгий стиль – не прихоть автора. Источники, по которым мы можем реконструировать биографию героя – это, в основном, официальные документы, отражающие «государеву службу» или имущественные отношения. «Приватная жизнь» в то время почти не фиксировалась, более того: «не сохранилось не только портретов Д.М. Пожарского, но и словесных описаний его внешности» (с. 7) Почти четверть книги – 70 страниц – занимает «Биохроника», т.е. перечень практически всех известных по источникам фактов в хронологическом порядке.

При этом авторская позиция и отношение к герою – более чем внятные. Начиная прямо с эпиграфа:

«Мнози бо людие дивятся мужественному твоему храбрству,

И радуются, что Бог послал тебя к великому государству...»

Его «сабля за время Смуты ни разу не обнажалась против собственной совести», и весь жизненный путь «указывал на один железный принцип – единожды приняв решение, быть ему верным» (с. 143).

Вроде бы, апологетика. Только книга безмерно далека (и стилистически, и содержательно) от «ростопчинских афишек», которыми украшают наш новый праздник 4 ноября. Вообще-то сама идея – отметить красной цифрой в календаре главный подвиг Минина и Пожарского, освобождение Китай-города и Кремля от оккупантов – можно только приветствовать. Но суетливая поспешность при учреждении нового государственного праздника наводила на размышления, нелестные для чиновников и депутатов: что вдохновляла их не столько память героических предков, сколько стремление на что-нибудь заменить ненавистное 7 ноября. Все равно, на что, только поскорее. Потому-то и запутались в арифметике при переводе дат с юлианских в григорианские. Подлинную хронологию этих событий можно

восстановить по книге: выход из крепости под охрану князя Дмитрия сначала боярских семей («в том числе юного Михаила Романова с матерью»), потом освобождение Китай-города и взятие под защиту тем же Пожарским боярского «правительства» и, наконец, окончательная капитуляция королевского гарнизона 27 октября (с. 99–100). Что хотелось бы подчеркнуть. Герой книги изначально вовсе не был сторонником Романовых. Да и вряд ли мог им быть, учитывая позицию (точнее, позиции) этой семьи в Смуту. Он ориентировался скорее на кандидатуру «королевича князя Карло Филипп Карловича». Мотив примерно тот же, что и в былинные времена призвания Рюрика. Стабильность. Во избежание новых склок между влиятельными семьями и группировками разумнее было бы передать верховную власть «прирожденному государскому сыну» (с. 74) со стороны. При условии – подчеркиваю! – лояльности иноземного принца русскому государству, свидетельством чего в XVII столетии могло стать только принятие государственной религии. «А как королевич придет в Новгород и будет в нашей православной вере греческого закона, и мы тотчас ото всего Российского государства с радостию выберем честных людей, которые к этому великому делу будут годны, и дадим им полный наказ...» (с. 75). Однако этот вариант уперся в непреодолимые препятствия, прежде всего, с шведской стороны. Собственной кандидатуры в цари Пожарский не выдвигал. Вообще держался скромно: будучи самым могущественным из военачальников, не присваивал себе громких титулов, подписывался просто «стольников» – это был последний чин, который он получил от стопроцентно законного правительства: «Стольник и воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарского Стародубсково» (с. 79).

А после того, как Земский Собор сделал выбор в пользу юного Миши Романова (потому что «молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден»), князь верой и правдой служил новому царю. Профессор В.Б. Кобрин назовет Смуту временем утраченных возможностей. (См. Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки

истории России IX–начала XX века. М.: Политиздат, 1991. http://scepis.net/library/id_2584.html).

Наверное, последнее из этих печальных упущений – то, что случилось с победителями после победы 1612 года: «*новые люди сформировали правительство... родственники матери Михаила Федоровича и члены "проромановского" круга... А героям ополчения было указано на их место – нет, далеко не позорное, не опальное, а именно "свое" – точно определенное "по старине", по восстановленным иерархическим нормам...*» (с. 113–114). И важное уточнение: «*собственно, за возвращение этой... "старинных" герои ополчения и боролись*» (с. 110).

Как видите, рассказанная нам история очень непростая. Это не ода, а драма. Продолжением достоинств князя Пожарского – скромности, верности и законопослушания – стали пороки того государственного порядка, который он героически восстановил. Жизненно важная работа по созданию в России современной промышленности, науки, армии и флота оказалась отложена до конца столетия, так что Петру пришлось проводить ее в ускоренном темпе и такими методами, о которых лучше на ночь не вспоминать.

А «*новая династия не особенно нуждалась в памяти о неоднозначных перипетиях своего прихода к власти и тем более в необходимости возвышать в этой связи кого-либо из подданных... Согласно официальной традиции, оглашенной в "Большой Государственной книге" 1672 г., просто свершилась воля Божья: "Все яко единими усты молиша от благородных и в чести величества превозходяща царского сродника Михайла Феодоровича Романова, яко да той царствует ими"*» (с. 216), «*150 лет о Пожарском и Минине вспоминали только знатоки и любители истории*» (с. 217), более того: «*даже могила князя исчезает в середине XVIII в., когда невежественный настоятель Спасо-Евфимьева монастыря разоромил склеп прежних благодетелей своей обители..., употребив доски с их надгробий на починку стен и ступеней*» (с. 7).

(Кстати, о невиданном на Святой Руси варварстве, которое продемонстрировали злые большевики, разрушая святыни).

Как это ни удивительно, справедливость по отношению к Д.М. Пожарскому была восстановлена только в конце «века Просвещения».

А в наш век «постмодернистской» гнили отдельно взятая честная книга про честного человека вряд ли всерьез повлияет на деятелей искусства: они пишут, как дышат – «*про самих себя*» и свою референтную группу, так что даже если в руки им попадет романтическая и героическая история, первое побуждение (уже безотчетное, на автопилоте) – сыграть и с этим материалом на понижение. «*Алые паруса*», модернизированные таким образом, чтобы «*Ассоль встретила Грея в борделе*». (Нечаев А. Премьера «Алых парусов» в РАМТе: Ассоль встретила Грея в... борделе // Комсомольская правда, 2010 янв. <http://www.kp.ru/daily/24433/600955/>).

Производители и распространители упорно перекалдывают вину на потребителя. Дескать, не виноватая я, он сам пришел. Народ желает видеть бордель, помойку, оперного Дон Жуана в виде алкаша, а вместо града Китежа бомжатник, и если его народные мечты не воплотятся, он билетов в театр или кино покупать не станет. Боюсь, что эта версия соответствует действительности с точностью до наоборот. В нашу эпоху, как и во все предыдущие, зрителей привлекают истории про благородных рыцарей и прекрасных дам. Именно в этом, а не только в технических эффектах, секрет громадной популярности голливудского кинематографа по всему миру, включая Россию. Если люди предпочитают «Аватар» серой слякоти «авторского кино» и подзаборному косноязычию «новой драматургии», то не потому, что они глупее так называемых «профессионалов» или неправильно понимают роль художника в обществе. Как раз наоборот. А слякоть им навязывают сверху. За их же налоги, принудительно изъятые в казну.

Трезвое понимание соотношения общественных сил, увы, не располагает к оптимизму.

С другой стороны – согласитесь, князю Дмитрию было потяжелее, чем нам сегодня.